

2. Подготовка учеников к посещению музея

Перед посещением Музея-усадьбы Г.Р. Державина желательно, чтобы дети прочли тексты стихотворений.

Тексты статей для учителя и учащихся

Н.П. Морозова, Е.В. Морозова

Материалы к хронике «званской жизни» Г.Р. Державина

Имение Державиных Званка всегда привлекало внимание поклонников и исследователей творчества Г.Р. Державина¹.

Целый ряд интересных работ появился в последнее время. А.Б. Никитиной опубликованы чертежи и поэтажные планы усадебного дома, выполненные А.П. Кожевниковым². Его мемуары «Некоторые черты Званской жизни» напечатаны краеведом Н.Н. Калининым³. Е.Д. Кукушкина опубликовала полный текст записок П.Н. Львовой⁴. Л.Б. Михайлова ввела в научный оборот записки «Для немногих» А.В. Головнина, посетившего Званку в 1848 году⁵. Л.М. Солдатова изучила документы, связанные с историей строительства в имении Воскресенской церкви⁶. Яркий очерк о Званке написан А.В. Кошелевым⁷.

---

¹ См.: В.С. [Стоюнин В.А.]. Званка: (из путевых впечатлений) // Библиотека для чтения. 1850. Т. 104. № 11 (нояб.). С. 29 – 52; Грот Я. Званка и могила Державина // Современная летопись: Воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1863. № 33. Сент. С. 4 – 6; Иосиф, архим. Державинская Званка // Церковно-общественный вестник. 1879. № 94. 8 авг. С. 4 – 6; Солоухин В.А. Посещение Званки // Москва. 1975. № 7. С. 187 – 198.

² Никитина А.Б. Об усадьбе Г.Р. Державина Званка // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л., 1986. С. 508 – 522.

³ Калинин Н.Н. Некоторые черты Званской жизни // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 20 – 28. См. также: Калинин Н.Н. Здесь Бога жил певец // Державинский сборник – 2006. Петрозаводск, 2006. С. 31 – 43; Калинин Н.Н. История Званки. Званско-Знаменский монастырь // Державинский сборник – 2008. Петрозаводск, 2008. С. 102 – 110.

⁴ Кукушкина Е.Д. «Записки» Прасковии Николаевны Львовой // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 262 – 297.

⁵ Михайлова Л.Б. Судьба державинской Званки // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. научн. докладов. СПб., 1997. С. 109 – 115.

⁶ Солдатова Л.М. К истории храма во имя Воскресения Господня в новгородском имении Державиных Званка // Державинские чтения. Вып. 2. СПб., 2007. С. 186 – 221.

⁷ Кошелев А.В. «Лири мне больше не по силам, хочу приняться за цевницу...» Гаврила Романович Державин (1743 – 1816) // Новгородский край в русской литературе. Новгород, 2008. С. 211 – 228.

Большое число исследований посвящено произведениям, созданным поэтом в Званке. Он написал здесь около 60 стихотворений, 5 театральных сочинений, работал над «Записками» (1812) и «Рассуждением о лирической поэзии» (VII, 516 – 627)⁸, готовил издание Собрания своих сочинений, составлял «проекты по делам службы», вел деятельную переписку.

А.С. Курилов, обративший внимание на очерк «Министр, Поэт, доброй человек, Патриот (Достопамятность в моей жизни)» П.И. Шаликова, который побывал в Званке в 1810 году, пишет: «Наряду с гражданской («послужной») и творческой биографиями – основными составляющими писателеведения, есть еще одна, довольно существенная и немаловажная – *бытовая*, предмет которой – внеслужебная жизнь и внехудожественная деятельность писателя, где он предстает и раскрывается как человек, как личность, с характерными для него чертами, привычками, привязанностями, пристрастиями, манерой поведения как в домашних условиях, в семье, в кругу друзей, так и в обществе, на людях, среди знакомых и незнакомых ему лиц»⁹.

Изучая «званскую жизнь» Державина, мы имеем дело одновременно с его *бытовой* и творческой биографиями.

Званка была приобретена Дарьей Алексеевной Державиной у матери, Авдотьи Петровны Дьяковой, в 1797 году и с этого времени начала играть важную роль в жизни поэта.

Уже в 1798 году он вслед за Горацием создает поэтическую «Похвалу сельской жизни» (II, 165 – 171), заменяя «римские образы подлинника чертами из русского быта» и наполняя ее автобиографизмом¹⁰. Тогда же в стихотворении «Цепи» (II, 165 – 171), адресованном Анне Михайловне Бакуниной, Державин скажет: «И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке».

В 1799 году в его творчестве появляется образ таинственного, «шумящего» Волхова. Весной этого года, в Петербурге поэт создает «Пролог на рождение в Севере порфиородного отрока <...>» («на случай разрешения» от бремени

---

⁸ В скобках здесь и далее приводятся ссылки на «Сочинения Державина с объяснит. прим. Я. Грота» (Т. I – IX. СПб., 1864 – 1883). См.: Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 229 – 246; Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Там же. С. 246 – 282; Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 289 – 290; Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // Там же. С. 290 – 318.

⁹ Курилов А.С. Начало державиноведения в России // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 33 – 34.

¹⁰ См.: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 306 – 307.

великой княгини Елизаветы Алексеевны «великим князем») ¹¹, первому действию которого предпослана следующая ремарка: «Театр представляет лунную ночь и рощу на берегу реки Волхова. Несколько куп старых дубов. В ближайшей из них висит с огнем лампада. Несколько скамей и арф. Сквозь шум порогов и бушующего леса слышны изредка звуки арф. Музыка соображается видимым предметам. Со стороны выходят барды, не менее пяти» (IV, 35). Такая картина была навеяна как чтением Оссиана, так, вполне возможно, и впечатлениями от реального пейзажа Званки.

До выхода в отставку поэт проводил в новгородском имении главным образом «месяц сенатских гуляний». Это не помешало ему уже в 1801 году мифологизировать Званку в оде «Тишина» (II, 367 – 368):

Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм;
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом.

Как – я мнил в уединеньи –
В хижине быть славну мне?
Не живем, живя в забвеньи:
Что в могиле, то во сне.

Нет! талант не увядает
Вечного забвенья в тьме;
Из-под спуда он сияет:
Я блесну на вышине.

---

¹¹ 17 мая 1799 года императрица Елизавета Алексеевна родила великую княжну Марию Александровну (скончалась 27 июля 1800 года). По этому поводу Державин, находясь в Павловске, написал оду «Рождение любви». В ожидании этого же события поэт заготовил два аллегорических пролога: «На рождение в Севере любви, в одном действии» и «На рождение в Севере порфирородного отрока, почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия, в трех действиях». Они не были «представлены от автора ко двору», а потому остались не игранными. См.: Демин А.О. К изучению «Северных прологов» Г. Р. Державина // Русская литература. СПб., 2004. № 2. С. 135 – 137.

Так! пойду хотя в забаву
За певцом тииским вслед
И, снискать его чтоб славу,
Стану забавлять я свет.

Стану шуткою влюбляться,
На бумаге пить и петь,
К милым девушкам ласкаться
И в седилах молодеть.

Я пою, – Пинд стала Званка;
Совосплещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине!

В соответствии с новым амплуа летом 1802 года Державин создает здесь семь анакреонтических од, в их числе «Деревенскую жизнь» (II, 447 – 448), где объявляет:

Что нужды мне до града?
В деревне я живу.

Однако подолгу «жить в деревне» он смог, лишь выйдя в 1803 году в отставку. Отныне к Званке обращены взоры не только ее владельца. Летом 1804 года Д.И. Хвостов печатает в журнале «Друг просвещения» оду «К Барду», адресованную Державину в места, где «грозный Волхов зрится»:

Пускай, Кубра, мой глас стремится
С твоих приятных берегов
До мест, где грозный Волхов зрится,
Шумя среди седых валов¹².

---

¹² Хвостов Д.И. К Барду // Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 7. Июль. С. 11 – 12.

Благодаря этим строкам в ответной оде поэта «Волхов Кубре» (II, 483 – 487) появился детально разработанный образ реального Волхова:

Хотя угрюм и важен взором
И седина на волосах,
Но редко бурями и громом
В моих бушующих лесах.

Я мирный гражданин, торговый,
И беспрестанно в хлопотах;
За старым караваном новый
Ношу лениво на плечах;

Воображение поэта, наслаждавшегося «уединением и тишиной на Званке», питали не только античность и поэзия Оссиана, но и «древнее новгородское баснословие». В марте 1813 года, в Петербурге он начинает писать балладу «Новгородский волхв Злогор» (III, 181 – 186).

Главными персонажами «новгородских текстов» Державина будут: Бард, который выходит на берег Волхова и поет свои песни на «высоком холме»; погребенный под этим холмом волхв, который «на Званке днесь проказит»; «шумящий Волхов» («мирный гражданин торговый»), званское Эхо.

В 1800-е годы появляются стихотворения на отъезд и возвращение Державина из Званки. В одном из них говорится:

Как Званка тем должна гордиться,
Что удостоена тобой!
Что воздухом ее живится
Дух пламенный – Дух мудрый твой!¹³

---

¹³ Расторгуев Е. Стихи на возвращение Российского Аполлона в Петербург октября 12 дня 1815 года (РНБ, ф. 247, т. 31, л. 109).

«Воздух» Званки помог поэту создать архаичные «пейзажные медитации» 1805 года («Лето» и «Осень»), в которых мы видим и слышим «званскую жизнь»:

Знойное лето весна увенчала

Розовым, алым по кудрям венцом;

Липова роща, как жар, возблистала

Вкруг меда листом.

Эта строфа, открывающая стихотворение «Лето» (II, 544 – 545) и ставшая программой для иллюстрации (заставки) к нему, соединяет в себе аллегорию с изображением реального пейзажа. В Званке до сих пор растут старые липы¹⁴.

В стихотворении «Осень» (II, 554 – 556) мы слышим целую симфонию звуков:

Разных птиц голоса, вьющихся тучи,

Шум снопов, бег телег, оси скрипучи,

Стук цепов по токам, в рощах лай псов,

Жниц с знаменем идущих гул голосов

Слух мой пленит.

Настоящей «энциклопедией» деревенского бытия Державина стала знаменитая ода «Евгению. Жизнь Званская» (II, 632 – 645), а своеобразной сниженной параллелью к последней «Похвала Комару» (III, 401 – 411).

Результатом творческого диалога с Евгением явились ода «Эхо» (III, 92 – 93) и акварель Е.М. Аврамова «Вид Званки», с которой была выполнена гравюра, напечатанная отдельным листом в 1809 году и в уменьшенном виде в журнале «Вестник Европы» в 1810 году¹⁵. Званка, мифологизированная северным Бардом, обрела для его почитателей реальные очертания. Она в еще большей мере стала местом своеобразного паломничества поклонников Державина, которые стремились попасть сюда 13 июля, в день его именин. Однако иногда такие посещения становились большой проблемой. Например, в 1807 году Званка оказалась вся «в воде, так, что не было проходу лугом, ни от пристани»,

---

¹⁴ Известный краевед профессор Санкт-Петербургской Лесотехнической академии Н.Н. Калинин в своих экскурсиях по Званке показывал остатки липовой аллеи, спускавшейся с холма и расходившейся на две стороны.

¹⁵ «Вид Званки усадьбы Г.Р. Державина вниз по Волхову со стороны Нова-города» // Вестник Европы. 1810. Ч. 49. № 2 (январь).

ни «проезду сухим путем» от села Гудалово, «разве пешему только пройти, а конному, не только в экипаже, и верхом едва ли можно»¹⁶.

Годом ранее «погода по самые именины» поэта «так была дурна», что он «на двор шагу боялся сделать, чтоб по слабости здоровья не простудиться». Вопреки погоде именины прошли весело, была представлена комедия «Кутерьма от Кондратьев» (IV, 193 – 210).

Порой природа удивляла хозяев имения. В 1814 году «с 19 сентября напал снег выше колена» так, что «ездили на санях». Оставаясь в заснеженной Званке до конца октября, Державин пишет оперу «Эсфирь»¹⁷, рисуя в своем воображении «вертоград с пахучими цветами и блистающими плодами». Тогда же создает черновой вариант баллады «Северный Амур» (III, 532 – 533, прим.), возникший не без влияния окружавшей его реальности, начиная с главного персонажа и кончая картиной «строгого климата» России:

Где медведи спят мохнаты,
Скутанны в берлогах тьмой,
Волки, рыси полосаты
Рыщут век в глуши лесной
И лишь храбрый, удалой
Росс могущий, жиловатый
Ходит твердою ногой,
Иней, мраз снося косматый.

Во второй же половине сентября 1815 года «такое время прекрасное» стояло, «что летом такого не было». Однако «беседы с музами» не получалось, сколько раз поэт «ни принимался за перо, но оно из рук упало».

«Званское лето» складывалось каждый раз по-разному. Иногда оно было отмечено необычными событиями, как, например, в 1810 году, когда Званку во время путешествия водою из Твери в Петербург посетили великая княгиня

---

¹⁶ Губерти Н. Письма Г.Р. Державина к А.С. Хвостову и И.Ф. Соломке // Библиограф. 1885. № 1. Январь. С. 5. № 8.

¹⁷ Опубл.: Демин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 358 – 408.

Екатерина Павловна и ее супруг принц Георгий Ольденбургский¹⁸. Державин приветствовал их одой «Шествие по Волхову Российской Амфитриты» (III, 37 – 41). Это лето стало для него очень плодотворным: было создано 12 стихотворных произведений.

Самым тревожным и нелегким оказалось лето 1812 года, омраченное событиями военного времени. Державин отправляется сначала во Псков, затем в Новгород, где вручает принцу Ольденбургскому «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов» (VII, 470 – 478), адресованную Александру I. Поэт пытается добиться постановки на сцене императорского театра своей патриотической трагедии «Евпраксия» (IV, 293 – 380), о чем идет речь в письмах из Званки.

Летом 1813 года Державины совершают путешествие на Украину, где гостят у своих родственников Капнистов в имении Обуховка, посещают Киев и Киево-Печерскую Лавру. В Званке ее хозяева проводят лишь осень. 12 октября «в память кончины Кутузова» поэт пишет здесь оду «Тление и нетление» (III, 176 – 178).

«Званское лето» в творческом отношении нередко оказывалось продолжением «петербургской зимы». В 1810-е годы Державин и в городе, и в деревне работал над «Рассуждением о лирической поэзии». Вероятно, для этого сочинения за два дня до смерти он написал на грифельной доске самое загадочное свое произведение – оду «На тленность» («Река времен») (III, 235 – 236), которая стала последним созданием его лиры, умолкнувшей в Званке.

Судьба Званки сложилась печально, сбылось предсказание Державина: «Разрушится сей дом, заглохнет бор и сад...». Важно, чтобы потомки всегда помнили другие его слова: «Здесь Бога жил певец, Фелицы...».

В публикуемых ниже «Материалах», не претендующих на абсолютную полноту, собраны известные нам сегодня по печатным и рукописным источникам факты, имеющие отношение к жизни Г.Р. Державина в Званке. Цитаты приводятся по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением ряда характерных особенностей языка XVIII – начала XIX века.

---

¹⁸ Принц Георгий Петрович Ольденбургский (1784 – 1812) – первый супруг великой княгини Екатерины Павловны, Тверской, Ярославский и Новгородский генерал-губернатор.

Н. Эйдельман

Последние стихи.

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

6 июля 1816 года в Званке, своем имении близ Новгорода, семидесятитрехлетний Гаврила Романович Державин записал эти строки на черной грифельной доске (его обычный черновик).

Восемь строк, за которыми, как утверждали родственники, по всей видимости, должны были следовать другие. Однако через день, 8 июля, "лег он в постелю, в половине второго часа, вздохнул сильнее обыкновенного, и с сим вздохом скончался"... Надпись на могильной плите увековечила "действительного тайного советника и разных орденов кавалера" (о поэте — а ни слова)...

Грифельная же доска с черновиком последнего стихотворения была доставлена в Императорскую библиотеку по просьбе директора ее, А.Н. Оленина, и пятьдесят лет спустя академик Я.К. Грот, выдающийся исследователь творчества Державина, свидетельствовал: "Всякий может видеть (доску) на стене, в отделении русских книг; но от начертанных на ней строк почти ничего уже не осталось".

Там же, в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки СССР имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, можно видеть ее и сегодня, под стеклом в рамке из лакированного дерева. При хорошем освещении угадываются отдельные буквы, слова...

Однако "река времен" эти строки пока что не одолела. Скопированные на бумагу сразу же после смерти поэта, они были вскоре напечатаны в "Сыне Отечества", одном из самых известных литературных журналов.

С престарелым Державиным мы хорошо знакомы по пушкинскому рассказу о лицейском экзамене 8 января 1815 года: "Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно; глаза мутны; губы отвислы; портрет его, где представлен он в колпаке и халате, очень похож...", правда, "он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь". В последний же раз Державин взялся за

грифельную доску ровно через полтора года после того лицейского посещения, и мы можем легко вообразить, как он опять оживился, преобразился 6 июля 1816 года...

Пройдем же по последним державинским строчкам, наверное, еще не доведенным до полного совершенства, но, без сомнения, гениальным.

Заглавия нет. Но, по словам близких Державину людей, поэт собирался назвать стихи "На тленность".

"Река времен в своем стремленьи..."

С древних веков постоянно использовался образ "река жизни", "река времени"; в кабинете Державина висела своеобразная картина-таблица "Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории".

Длинная полоса - "карта" истекших пяти тысяч лет; сверху вниз идут рукава бесконечной реки с названиями: "Египет", "Вавилон", "Греция"; затем почти все они сливаются в "Риме". Из "Рима" берут начало разные "европейские ручьи" - французский, английский, германский... рядом русский. У правого же края "карты" - самая прямая протока: достижения науки, литературы, искусства. Тут стоят имена Гомера и Ньютона, перечисляются крупнейшие открытия. У нижнего обреза карты, там, где 1800 год (а дальше время для издателя еще не протекло), последние имена и события культурного мира. Прививка оспы; Лавуазье; открытие Цереры (астероида); Державин...

Именно глядя на эту картину-таблицу, поэт складывал свои последние строки. И в то же время в них слышится эхо одного из ранних стихов, принесших тридцатисемилетнему поэту громкую славу:

Глагол времен! металла звон!

Твой страшный глас меня смущает;

Зовет меня, зовет твой стон,

Зовет – и к гробу приближает,

"Глагол времен" - это бой часов, который в той же строке отдается эхом: "металла звон".

В последних стихах – иной, более величественный, спокойный образ, "река времен"; она не требует мгновенной рифмы и, не торопясь, движется "в' своем стремленьи"...

Через четырнадцать лет после кончины Державина Пушкин, арестованный в Болдине холерой, должен будет выполнить просьбу заезжего соседа,

отставного подпоручика Дмитрия Алексеевича Остафьева, — написать что-либо в альбом. Отказать невозможно, тем более, что незадолго перед тем Остафьев получил автограф у дядюшки поэта, Василия Львовича; и Александр Сергеевич поступает так, как часто делал в подобных случаях: заносит в альбом стихотворение не свое, но уж особенно уместное среди холеры, склонной многих унести "в своем стремленьи". Не имея под рукой сочинений Державина, Пушкин писал по памяти и дважды ошибся, причём обе ошибки любопытны. О втором случае речь впереди, первую же строку хозяин Болдина записал: "Река времен в своем теченьи".

Пушкин с его тягой к простоте и точности предпочитает ясное и реалистическое "теченье" более абстрактному, туманному "стремленью". Когда молодой Пушкин произносил на память стихи Жуковского и притом забывал или невольно менял какое-либо слово, Жуковский понимал, что это место неудачно и его нужно переделать. Однако Державин – это Державин. По Пушкину лучше "теченье"; но Державин – поэт XVIII столетия, склонного к высокому, мерному слогу, и тут уместнее "стремленье". Тем более, что благодаря этому слову в первой строке три раза встречается рокошное сочетание "ре": река времен... стремленье... Это, конечно, неспроста, что выяснится дальше (хотя сразу скажем, что вряд ли Державин пересчитывал количество "ре" и сознательно конструировал подобные звуко сочетания – так шел стих, интуиция подсказывала).

Расставаясь с первой строкой, заметим на прощание, что река соответствовала старинным понятиям о быстроте времени: правда, XVIII век к концу сильно заторопился, но все же не смог переменить того ощущения темпа событий, которое было привычно Державину с молодых тысяча семьсот пятидесятих, шестидесятих, семидесятих годов...

Река времен, а между тем в 1818 году все тот же молодой поэт, которого успел благословить, сходя в гроб, старик Державин, напишет (о другом поэте, Батюшкове):

Он духом там – в дыму столетий!

Пред ним волнуются толпой

Злодейства, мрачной славы дети,

С сынами доблести прямой;

От сна воскресшими веками,

Он бродит, тайно окружен...

Восхищенный стихами Пушкина, Вяземский писал Жуковскому: «В дыму столетий!». Это выражение – город. Я все отдал бы за него движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы "дыма столетий"? О прочих и говорить нечего».

Нам сегодня, в конце XX века, восхищение Вяземского несколько странно: «дым столетий» и другие подобные определения быстро несущегося времени сделались довольно привычными, даже шаблонными. Однако почти всякий шаблон имеет, наверное, весьма благородное происхождение: когда-то был свежим образом, который от частого употребления несколько стерся... В начале же XIX века хорошо различали державинское представление о медленном, величественно текущем времени, которое невозможно сравнить с быстро рассеивающимся дымом (Державин "испугался бы"), и пушкинский взгляд на быстро, бешено, призрачно, как дым, несущееся время, взгляд, тяготеющий уж не к XVIII, а скорее, к нашему, XX веку.

Река времен, дым столетий – две «концепции времени»...

«...Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей».

Действительный тайный советник, бывший секретарь императрицы, губернатор, министр юстиции и многих российских орденов кавалер, Державин знал толк в царствах и царях. Кроме того, интересовался историей, хотя в его эпоху она была куда меньше и «уютнее», чем теперь.

Если бы спросить старика, чертившего знаки на грифельной доске, велико ли прошедшее, какова пропасть забвения, вечность «за плечами», поэт сказал бы приблизительно так, как записал в ту пору восемнадцатилетний Александр Горчаков, один из мальчиков, взиравших на Державина во время лицейского экзамена: «История – время цивилизованных дел человеческих, обнимающее последние пять тысяч лет». Премудрый Бюффон незадолго до того исчислил, будто накаленному земному шару пришлось остывать восемьдесят тысяч лет...

Слова «миллион лет» еще не произносятся, Египетские иероглифы еще не прочтены (это удастся сделать через шесть лет после кончины Державина). Еще несколько десятилетий на земле никто ничего не будет знать о хеттах – великой многовековой цивилизации, сыгравшей немалую роль в предыстории нашей культуры. Индийская культура Мохенджо-Даро и Хараппы, древнешумерские города, крито-микенский мир и немало других, абсолютно

неведомых Державину стран и эпох еще лежит в «пропасти забвенья», точную глубину которой непонятно, как измерить.

Но что цари и царства! Державин, хоть и придворный, хоть и министр, никогда не давал за них большой цены. В 1780-х годах он столь сильно переложил на современные стихи 81-й псалом, что «библейский текст» был строго запрещен цензурой:

Цари! Я мнил, вы боги властны,

Никто над вами не судья,

Но вы, как я подобно, страстны,

И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,

Как с древ увядший лист падет!

И вы подобно так умрете,

Как ваш последний раб умрет!

Теперь, в 1816-ом, он по-новому повторял давно облюбованную мысль.

«...А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы...»

Здесь снова слышны те «раскаты», что уже звучали в первой строке; снова много "р": чрез, лиры, трубы...

Любопытно, что в том болдинском альбоме, куда были переписаны державинские стихи, Пушкин ошибся второй раз, написав: «чрез звуки лиры иль трубы». Согласно Пушкину выходило, что нечто остается благодаря поэзии (лира) или славе, исторической памяти (труба). Державин же, возможно, хотел сказать, что вообще если что-либо на свете остается, то благодаря только искусству, ведь лира и труба – инструменты музыкальные, подчиняющиеся только поэтам, сказителям, бардам.

Кажется, Пушкин ощутил тут известную неточность, расплывчатость державинского образа и невольно поправил или завел спор с умершим поэтом: в самом деле, что и благодаря чему остается на свете?

«...То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы».

Страшный звуковой взрыв, подготовленный прежними "р" и "ре", в первой и шестой строках... Жерлом пожрется –жер - жре: один корень – жрать, пожирать, жрец, жертва, жерло. Державин был великим мастером подобного стихового рыка; в стихотворении "Снегирь" (о смерти Суворова) есть строка: «Северны громы в гробе лежат» (впрочем, как тут не вспомнить, что в знаменитых, особенно по опере Чайковского, стихах «Если б милые девицы так могли летать, как птицы, и садились на сучках...» Державин нарочно не ввел ни одного «р»).

Осталось только сказать, что в последней строке последнего стихотворения – «И общей не уйдет судьбы!» - «р» совсем исчезает, зато какие завывающие гласные: о-е-у-е! Эхо, печальный гул, доносящийся из пропасти, из жерла Дантова ада; вспомним у Пушкина похожую звукопись: «Буря мглою небо кроет» (у-я-о-ю-е-о-о-е).

Если уж разговор зашел о звуках, нужно коснуться неясного до конца вопроса: как произносить последние слова пятой и седьмой строк, с е или ё: остается – пожрётся или остается – пожрется. По мнению некоторых филологов, ё в ту пору было менее употребительно.

Но полной уверенности нет – не слышим... Стихи обрываются.

Смысл их страшен и прост: та сила, что уносит в пропасть народы, царства и царей, не может на первых порах (века, тысячелетия) одолеть то, что создано лирой и трубой, и все-таки в конце концов жерло вечности поглотит и самое высшее создание человеческого духа. Пропасть забвения, жерло вечности... А меж тем за двадцать один год до того, в 1795 году, Гаврила Романович был настроен как будто иначе:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,

Металлов тверже он и выше пирамид;

Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный

И времени полет его не сокрушит...

Державин последних стихов спорит с Державиным "Памятника"!

Читатель же этой статьи, возможно, ожидает полного нашего согласия не с семидесяти трех-, а пятидесятидвухлетним поэтом: все будут довольны и успокоятся, воскликнув по обычаю: «Рукописи не горят!» (Этот счастливый булгаковский образ теперь столь часто повторяется, что порою хочется поджечь иную рукопись: а вдруг и в самом деле не сгорит!).

Попробуем, однако, взглянуть на вещи без излишней предвзятости и спокойно разобрать два тезиса: «Времени полет не сокрушит...» и «Жерлом пожрется...». Державин жил в ту эпоху, когда делалось немало открытий, наводивших на мысль о «бренности и тленности». «Слово о полку Игореве» — чудесный аноним, всего на два десятилетия вынырнувший из "пропасти", чтобы затем, в смуте и пламени 1812 года, исчезнуть; впрочем, исчезнуть, оставшись; но неведомый автор в первых же строках представляет своего абсолютно неведомого предшественника, учителя: «Боянь же, братие...»

Еще и еще великие творения – и рядом пустоты. Библия – но уж давно понято, что самые древние списки священной книги на много веков моложе первоначального текста, и сколько же пропало, отсеялось по дороге!.. Даже то, что остается потомкам, вдруг кажется случайным, эфемерным...

Мудрый Марк Аврелий явился новому времени всего в двух рукописных списках, причем один из них вскоре исчезает. Современник Александра Македонского Менандр, чье имя гремит в веках, чьи герои в древности были фигурами нарицательными, как в наше время Тартюф, Хлестаков... Менандр – драматург, корифей, основоположник так называемой новоаттической комедии, мастер... Сотня с лишним его пьес, десятки раз изданных и переизданных, занимала бы сегодня немалое место в любой библиотеке. Но только в 1905 году находят папирус с текстом (более или менее полным) пяти комедий. И уже в наше время обнаружена еще пьеса в Оксирихе, самой знаменитой на свете помойке, куда сбрасывали ненужные вещи в птолемеевском Египте... Наконец, Тит Ливий, король древнеримских историков. Только 35 книг из 142, только 25 процентов его «Истории Рима от основания города» досталось нашему времени. Правда, слух был, что в библиотеке Ивана Грозного, унаследованной от византийских императоров, были все тома, но где та библиотека, где те книжки и свитки, которые, согласно авторитетному мнению академика М.Н. Тихомирова, возможно, разошлись из дворцового собрания в глухие монастыри? И что действительно видел «под Кремлем» некий подмастерье XVIII века, заоравший «Слово и дело!» и жестоко битый, так как книги, которые он якобы обнаружил, после не нашлись? Случайность.

Марк Блок, прекрасный французский историк, убитый фашистами, имел основание сомневаться в том, что мы в самом деле получаем от прошлого «главные вещи»; кто же поручится, что мы не судим, например, о литературе целой эпохи по сочинениям второстепенным, а о материальной культуре – по остаткам более или менее случайным?

Державин, можно сказать, пессимист: «А если что и остается...». Мы же, оптимисты, можем, кажется, сделать только одно почтительное возражение

Гавриле Романовичу: река времени течет непросто, главный поток, конечно, из прошлого в будущее, но как ни сильно это течение, существует и некое «противотечение»— назад, к тому Вчера, что неотделимо от Сегодня и Завтра. Все это хорошо знал автор следующего после Державина «Памятника»:

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит...

Пока на свете хоть один поэт, он по природе своей оживляет прошедшее, и как же ему не воскресить Пушкина, Державина!

Бессмертие, как бесконечность, имеет два направления.

Однако опять вернемся к нашему восьмистишию. Ведь сочинение не окончено, и мы даже можем предположить – что Державин собирался еще написать... Если река времен уносит народы, царства и царей, если даже звуки лиры и трубы пожрет вечность, то нужно создать маленький, уютный очаг в «пустынях времени», собрав вокруг него семью, друзей, радуясь немногому:

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,

С уединением и тишиной на Званке?

Довольство, здравие, согласие с женой,

Покой мне нужен – дней в остатке...

Все суета сует! я воздыхая мню,

Но, бросив взор на блеск светила полудневна,

О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?

В этих стихах, сочиненных за несколько лет до кончины, Державин восхищается пением птиц, рожком пастуха, домашними разговорами, утренним кофе, игрой в лапту, охотой... Но напоследок в том же сочинении («Евгению. Жизнь званская») вдруг возникают мотивы смерти и вечности: жизнь – миг, человек – прах, и, может быть, лишь Клия (Клио), муза истории, сохранит память о поэте, впрочем, скорее всего, лишь как эхо, дух в тех краях, где он жил:

Так в мраке вечности она своей трубой

Удобна лишь явить то место, где отзывы

От лиры моей шумящею рекой

Неслись чрез холмы, доли, нивы.

«Труба» в этом четверостишии, конечно, предшественница «лиры и трубы» последних стихов.

6 июля 1816 Державин, скорее всего, хотел по-новому высказать уже сказанное о смерти как источнике особой тихой житейской радости. Хотел, но не успел или не захотел успеть...

Есть мастера, удивительно умеющие не оканчивать свои сочинения. Таков был, например, Пушкин, у которого много чудесных стихотворных и прозаических отрывков, то ли законченных, то ли лукаво брошенных и сохраняющих прелесть полуотделанного камня, неоконченной статуи. Есть даже специальный термин – стиль *non finita*, когда мастер как бы выступает в соавторстве с несовершенным, когда отсутствие – гармоническое дополнение присутствия.

Однако бывают иные случаи. Иногда автор не оканчивает произведения оттого, что не успевает. И тогда его соавтор - смерть. Я видел картину одного художника, где были изображены борцы; художник умер, не успев только дорисовать им глаза, но от того работа стала много сильнее: мощные, сплетенные, безглазые фигуры и сверх того – сам факт смерти художника. Все это придавало изображению новый, особый смысл.

Если после кончины человека, как заметила А. А. Ахматова, все портреты его меняются, то, конечно, меняются и стихи. Стихи предсмертные – особенно. Гаврила Романович 6 июля 1816 года, можно сказать, выступил в соавторстве со смертью и вечностью. 8 июля смерть прошла по восьмистишию «рукою мастера» и придала ему тот смысл, которого Державин не предполагал (а, впрочем, кто знает, может быть, предчувствовал?). И что же?

Перечтем еще и еще раз последние стихи: казалось бы, ничего не может быть печальнее – смерть, пропасть забвенья, жерло пожирающее... Все это снова и снова возвращает нас к уже вспомнутому: «глагол времен! металла звон...». Приходит на память и Александр Блок:

А виноградные пустыни,

Дома и люди – все гроба.

Лишь медь торжественной латыни

Поет на плитах, как труба.

Эти строки звучат по-державински, хотя Блок вряд ли о том думал: гроба, плиты – и та самая труба!

Важнейшее же слово – «торжественной». Надгробные строки торжественны. Последние стихи Державина, несомненно, тоже торжественны; кроме обычного сетования на скоротечность сущего, в них сокрыта тайна, торжественность.

Не смеем навязывать своего мнения, но заметим, что для автора этой статьи и нескольких опрошенных им друзей в последних строках Державина присутствует и какая-то странная радость, нет, точнее, не радость, но некий свет, приобщение к вечности.

В чем тут секрет? Может быть, так: гениальные стихи даже на самую печальную тему всегда заключают в себе и выход, «бессмертья, может быть, залог». Если на свете создаются такие стихи - не все потеряно. И Державин объясняет: все проходит, уносится, потирается, но если поэт, человек способен все это охватить, понять, то самим этим пониманием он уже как бы вечен, бессмертен. И не о том ли за тридцать два года до смертного часа уже сказал тогдашний Гаврила Романович Державин:

Я связь миров, повсюду сущих,

Я крайня степень вещества;

Я средоточие живущих,

Черта начальна божества;

Я телом в прахе истлеваю,

Умом громам повелеваю,

Я царь – я раб – я червь – я бог!

Вот какие мысли пришли при чтении тех стихов, которые при совершенно особенных обстоятельствах записал на грифельной доске великий поэт Гаврила Романович Державин 6 июля 1816 года.

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Последнее стихотворение Державина

Вскоре после смерти Г. Р. Державина (8/20 июля 1816 года) в журнале "Сын Отечества" было напечатано его последнее стихотворение со следующим примечанием: "За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту "Река времен", начал он стихотворение "На тленность" и успел написать первый куплет:

Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы!

Сии строки написаны им были не на бумаге, а еще на аспидной доске (как он всегда писывал начерно) и уже после смерти его положены на бумагу одним родственником"¹⁹.

---

¹⁹Сын Отечества. 1816. Ч. 31. N XXX. С. 175-176. См. также комментарий Я. К. Грота в кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. III. С. 235-236. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы). Ученый внес два исправления в текст первопубликации, в духе тогдашней издательской практики не оговорив этого: форму "в стремленьи" он изменил на "в стремленьи" и вместо финального восклицательного знака поставил точку; ему же принадлежит заголовок "Последние стихи Державина". Именно этот вариант неоднократно воспроизводился впоследствии. В издании "Библиотеки поэта" (1933) Г.А. Гуковский напечатал восьмистишие с названием "Последние стихи", которое было опущено в 1957 году в следующем издании этой серии.

Скудные сведения, оброненные кем-то из ближайшего окружения поэта, надолго определили восприятие восьмистишия как фрагмента незавершенного произведения, вызванного к жизни созерцанием исторической карты "Река времен". Единственный непосредственный отклик на последний поэтический текст Державина не содержал новых данных и не предлагал какой-либо иной трактовки - в "Вечере у Кантемира" (1816) Батюшков восторженно писал прежде всего о преданности поэта Музам: "Державин, за час перед смертью, хладеющими перстами извлекал звуки из бессмертной лиры своей"²⁰.

Я. К. Грот, издатель девятитомного академического собрания сочинений Державина, посчитал этот, с его точки зрения, фрагмент столь малоинтересным и малозначительным, что даже не удостоил его упоминания в биографии поэта²¹, - к тому времени грифельная доска с автографом восьмистишия переместилась в Императорскую публичную библиотеку и была выставлена для всеобщего обозрения²². Зачином незавершенной оды представлялись последние державинские строки В. Ф. Ходасевичу, высоко ценившему их художественные достоинства. В соответствии со своей общехристианской концепцией творчества поэта он был склонен придавать им особенное значение, видеть в них связь с первыми детскими впечатлениями Державина²³.

---

²⁰ Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1989. Т. 1. С. 59.

²¹ Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 649-660 (глава "Последнее лето в деревне. Болезнь и смерть"; см. также: VIII, 988-1005).

²² Грифельная доска хранится ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге. В настоящее время прочтению поддается около 40 % текста. О его плохой сохранности уже в XIX столетии свидетельствовал еще Я. К. Грот (III, 236).

²³ Завидной смелостью Ходасевич также указал, как ода должна была быть продолжена: "Стихи были только начаты, но их продолжение угадать нетрудно. Отказываясь от исторического бессмертия, Державин должен был обратиться к мысли о личном бессмертии - в Боге. Он начал последнюю из своих религиозных од, но ее уже не закончил. Бог было первое слово, произнесенное им в младенчестве, - еще без мысли, без разумения. О Боге была его последняя мысль, для которой он уже не успел найти слов" (Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988. С.232-233).

Посещая в 1951 году семинар Романа Якобсона по поэтике русской литературы в Гарвардском университете, Морис Халле сделал любопытное наблюдение о том, что начальные буквы восьми стихов дают по вертикали словосочетание "РУИНА ЧТИ", и попытался проинтерпретировать его. Статья американского исследователя "О незамеченном акrostихе Державина", появившаяся лишь в 1959 году²⁴, положила начало более пристальному исследованию восьмистишия, в ней подчеркивалась художественная завершенность державинского текста и было впервые обращено внимание на следующее обстоятельство: "Начальные буквы всех восьми строк, РУИНА ЧТИ, на самом деле дают подходящий заголовок для стихотворения, повествующего об эфемерности всех человеческих деяний и достижений"²⁵.

Констатируя необычность обоих слов для лексики поэта (ни слово "руина", ни форма родительного падежа "чти" от существительного "честь" у Державина более не встречаются), американский ученый объяснял столь необычное словоупотребление "потребностями акrostиха", тем более что слово "руина" не чуждо русскому языку XVIII века, а форма "чти" дважды встречается в "Слове о полку Игореве"²⁶, хорошо знакомом Державину²⁷. Смысл двух читавшихся по вертикали слов понимался М. Халле как "погибель земной

---

²⁴ Халле М. О незамеченном акrostихе Державина // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. [Vol.] I/II. P. 232- 236.

²⁵ *Ibid.* P. 233.

²⁶ Аргументацию М. Халле можно усилить, ибо форма косвенных падежей "чти" встречается во многих древнерусских текстах. См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1902. Т. 2. Стлб. 1572.

²⁷ См. также: Прийма Ф.Я. "Слово о полку Игореве" в русском литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 130- 143.

славы", "тленность человеческих успехов" ²⁸, что вполне соотнобразуется с тематикой стихотворения. Оправданной представляется и трактовка этого текста как последнего и особенно значительного державинского произведения.

М. Халле удалось также показать, что в последние месяцы внимание Державина было привлечено к проблеме дефиниции акrostихов, что отразилось и в его переписке с преосв. Евгением (Болховитиновым), и в "Рассуждении о лирической поэзии", последнем теоретическом сочинении поэта. Следующий отрывок из "Рассуждения" был опубликован американским исследователем в качестве одного из основных аргументов: "Наконец сюды же относятся акростишия, или как у нас в церковных книгах называются краеграния (краестишия), в которых заглавные каждого стиха буквы содержат в себе имя, в честь коего стихи писаны, или какое-нибудь значительное слово, коего поэт открыто для всех сказать не хотел" ²⁹. Именно второй случай применения акrostиха видел М. Халле в последнем восьмистишии Державина, которое в краткой статье американского исследователя, к сожалению, не было вписано в общий контекст творчества поэта.

В книге "Формалистическая поэзия у славян", вышедшей по иронии судьбы из печати раньше, чем статья М. Халле, Д. М. Чижевский сослался на сообщение своего предшественника и недвусмысленно присоединился к его мнению ³⁰. Он же указал на два не замеченных М. Халле державинских акrostиха. В 1984

---

²⁸В большинстве европейских языков лексемы, восходящие к латинскому "ruina", сохранили значение "распад, разрушение".

²⁹Халле М. Op. cit. P. 235.

³⁰Ср.: "Ein weiteres Akrostichon Derzavins ist insofern interessant, als es sein letztes (auf dem Todesbett [sic! - К. Л.-Д.] entstandenes) Gedicht ist. Man hielt es für den Anfang einer Ode, doch ist es offensichtlich ein abgeschlossenes Akrostichon-Gedicht (Mitteilung von Prof. M. Halle, Cambridge, Mass.)" (Tschiiievskij D. Formalistische Dichtung bei den Slaven. Wiesbaden, 1958. S. 55).

году была опубликована краткая заметка Р. Якобсона "Последнее стихотворение Державина и первый литературоведческий опыт М. Халле", в которой детальному анализу было подвергнуто фонетическое, метрическое и грамматическое единство акростиха; его макаронический характер никоим образом не смущал исследователя³¹.

Советским исследователям, как кажется, остались неизвестными как публикации М. Халле и Р. Якобсона, так и книга Д. Чижевского; в этом отношении не был исключением и Н. Я. Эйдельман, считавший стихотворение Державина фрагментом и посвятивший ему небольшую статью "Последние стихи"³²: "Пройдем же по последним державинским строчкам, наверное, еще не доведенным до полного совершенства, но, без сомнения, гениальным"³³.

Отмечая связь последнего державинского текста с "Одой на смерть князя Мещерского", "Евгению. Жизнь Званская", "Властителям и судиям" и уделяя большое внимание звукописи, Н. Я. Эйдельман вовлек стихотворение в широкий историко-культурный контекст - от Библии, Гомера и Данте до Пушкина и Блока. Видя в последних строках великого поэта "странную радость, нет, точнее, не радость, но некий свет, приобщение к вечности", исследователь приходил к следующему, не лишённому философского значения выводу: "Державин объясняет: все проходит, уносится, пожирается,

---

³¹Ср.: "In my Harvard seminar on Russian poetics in 1951, Morris Halle observed that the initial letters of the eight lines of this poem form an acrostic that underscores the theme of the poem as expressed by its title. This acrostic consists of two words - "RUINA CTI", "the ruin of glory" - one a gallicism and the other an Old Russian relic, both of which were familiar to the Russian readership of that epoch" (Jakobson R. Derzavin's Last Poem and M. Halle's First Literary Essay, Language, Sound, Structure. Cambridge; London, 1984. P. 3-6).

³²Эйдельман Н. Я. Последние стихи // Знание-сила. 1985. N 8. С. 32-34.

³³Там же. С. 32.

но если поэт, человек способен все это охватить, понять, то самым этим пониманием он уже как бы вечен, бессмертен"³⁴.

Ч.Л. Дрейдж посвятил рассматриваемому акrostиху пространный абзац в монографии "Русская игровая поэзия от Симеона Полоцкого до Державина" (1993); ссылаясь на книгу Д. Чижевского, он в сущности полемизировал с ней. Во всяком случае, английскому исследователю остались неизвестны ни развернутая аргументация М. Халле, ни опубликованный им по рукописи державинский акrostих "КНЯЗ КУТУЗОВ СМОЛЕНСКОЙ", что предопределило, скорее, скептическое отношение к самой идее акrostиха. Сомневаясь в правомерности толкования "погибель земной славы", Дрейдж предложил свое: "It is a ruin, take this into account" (т. е., если перевести, "Руина. Почитай [ее]"), предвосхитив, таким образом, следующую трактовку³⁵.

В статье А.А. Левицкого "Образ воды у Державина и образ поэта"³⁶, содержательной и полной свежих наблюдений, рассматриваемому акrostиху посвящены последние четыре страницы. Не вступая в полемику с М. Халле (о чем можно лишь пожалеть, ибо аргументация предшественника оказывается попросту проигнорированной), ученый предлагает иное членение текста,

---

³⁴Там же.

³⁵"The third, composed on 6 July 1816, two days before he died, appears to have the message Ruinacht, which is obscure enough to allow different interpretations. One of them could be: 'It is a ruin, take this into account', which would reinforce the poem's expressed meaning. Another interpretation would take chti as a contraction of chesti, but the sense 'the ruin of honour' seems less apt, and Derzavin, unlike certain of his contemporaries, was no student of the old manuscripts in which such contractions abound. When an acrostic message is difficult to understand, the possibility, always present in acrostics, that the letter sequences could have arisen fortuitously, increases, and with respect to this poem we may doubt whether we have to do with an acrostic at all" (Drage C.L. Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derfeavin. Its Classical and Baroque Context. London, 1993. P. 23).

³⁶Левицкий А. А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 47-71.

читаемого по вертикали: "РУИНА. ЧТИ!". На современном языке это, по-видимому, должно означать:

"Руина. Почитай [ее]!". Говоря о неизменной убежденности Державина в собственном бессмертии как итоге его поэтических занятий (в качестве доказательства А.А. Левицкий указывает на стихотворения "Памятник", "Лебедь", "Венец бессмертия" и "Полигимния" и на их особенно важную роль в структуре державинских сборников), исследователь трактует последнее стихотворение классика следующим образом: "Несмотря на безнадежный тон, переданный по горизонтали, т. е. по течению стиха, линейно, до конца, в котором даже "звуки лиры" поэта "пожрут" вечностью, читателю вдруг предлагается новое осмысление - по вертикали, независимое от привычного чтения. В акrostихе "РУИНА ЧТИ" Державин создает себе как бы новый памятник, который не только "металлов тверже и выше пирамид", но прочнее самой Вечности. (...) Осмысляя себя в качестве руины, автор создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени, и не случайно "река времен", аналог вечности, дословно вытекает в стихах из образа "руины", последнего авторского представления о себе как дряхлейшем из стариков, которое сопровождало более ранние его изображения ключей, рек и водопадов. (...) Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно сам становится источником "реки времен". Будучи ее "ключом", он "уходит" общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник - надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг сам Гораций. В нем (...) слышен "рев времен", исходящий из вечно осыпающейся, но вечно возвышающейся, как водопад над рекой жизни, руины, которую невозможно не "читать"³⁷.

Толкование, предложенное А. А. Левицким, вызывает ряд возражений. Во-первых, как указывал еще М. Халле, лексема "руина" употреблена здесь не в позднейшем и обычном с середины XIX столетия значении "развалина", а в более раннем и идентичном тому, что она имеет в латинском, итальянском,

---

³⁷Там же. С. 69-70.

английском и французском языках (т. е. "погибель, распад, разрушение")³⁸. Не совсем ясно также, почему надпись, читаемая по вертикали, должна "предлагать новое осмысление, независимое от привычного чтения", а не соотнобразовываться со смыслом стихотворения, как это обычно бывает в акростихах. В противоположность Ходасевичу, видевшему именно в последнем восьмистишии отход Державина от убеждения, что поэтические заслуги даруют ему бессмертие, А. А. Левицкий пытается утверждать обратное.

К двум толкованиям акростиха, предложенным до сих пор ("Погибель [земной] славы"; "Руина. Почитай [ее]!"), можно, на мой взгляд, прибавить по крайней мере еще два. Древнерусский глагол "чести" (южнославянская форма "чисти") обладает значениями "измерять"³⁹ и "читать"⁴⁰, т. е. теоретически возможны следующие толкования: "Руина. Измерь [ее]!" или "Руина. Прочти!".

Из всех четырех возможных чтений лишь вариант, предложенный М. Халле, соотнобразуется со смыслом акростиха и соответствует воззрениям самого Державина. Если учесть как эти обстоятельства, так и обостренный интерес Державина к акростихам в последний год его жизни, то скептическое предположение о том, что восемь согласных случайно составили осмысленное высказывание, представится более чем малоубедительным.

---

³⁸Ср. также в немецком: "derRuin".

³⁹Словарь церковно-славянского языка / Сост. акад. А. Х. Востоковым. СПб., 1861. Т. 2. С. 285.

⁴⁰Старославянский словарь / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечорки и Э. Благовой. М., 1994. Стлб. 779.

Следует подчеркнуть и тот факт, что последнее восьмистишие Державина - самодостаточный и художественно завершенный текст, который никоим образом не может рассматриваться как зачин неоконченной оды. Первые четыре стиха⁴¹ развивают характернейшую для барочного искусства тему бренности всего земного. Пятый и шестой затрагивают столь существенный для Державина лично, в течение всей жизни волновавший его вопрос о посмертной славе людских деяний. Седьмой и восьмой подводят пессимистический итог - все преходящее, всепожирающее и неумолимое время не делает ни для кого исключения⁴². Этот вывод столь глобален и эсхатологичен, что он исключает дальнейшее развитие темы. С другой стороны, именно эта законченность - важная предпосылка создания акростиха, начальные литеры стихов которого призваны в чеканной форме продублировать его общую идею.

Заслуживает упоминания и то, что российские исследователи никогда не были едины в интерпретации восьмистишия: Н. И. Глинка и П. Г. Паламарчук говорили о зачине неоконченной оды⁴³, в то время как А. Я. Кучеров, издавая

---

⁴¹Как уже отмечалось, четвертый стих "Реки времен..." отсылает читателя к Библии, и к ее историческим книгам, и к переложению 81 псалма самим Державиным.

⁴²Сходные идеи Державин развивал в других одах: "На тщете земной славы*" (1796), "Слава" (1810), "Тление и нетление" (1813) и др. ("честь" и "слава" выступают в них неоднократно как синонимы). Развиваемая в них мысль о всеобщей тленности и тщете земной славы неотвратимо вступает в противоречие со стихом "Героев и певцов вселенна не забудет" из "Приношения монархини", да и со многими другими.

⁴³Глинка Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985. С. 225; Паламарчук П. Г. Един Державин. М., 1986. С. 204.

в 1958 году лирику Державина, именовал его "Последним стихотворением"⁴⁴.
"Законченное стихотворение" видел в нем А. Л. Зорин⁴⁵.

Предположительное заглавие, упомянутое в комментарии к первой публикации восьмистишия ("На тленность"), вряд ли достоверно, ибо поэт назвал сходным образом одно из своих поздних стихотворений: "Тление и нетление" (1813; III, 68). Имелась в виду, скорее, тематика.

Большая работа, проделанная предшественниками, побуждает меня обратить внимание лишь на некоторые из проблем, существенных для понимания акростиха: употребление слов "руина" и "честь" в XVIII веке; последнее стихотворение Державина в контексте его поэтического творчества; некоторые релевантные аспекты барочной культуры.

* * *

Картотека "Словаря русского языка XVIII века", хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН, позволяет ответить на вопрос о частотности употребления лексем, составляющих надпись по горизонтали. "Руина" (руина) приходит в русский язык со значением "погибель, разрушение" довольно рано; она содержится в текстах уже XVII столетия, неоднократно встречается в документах Петровской эпохи, оставаясь на протяжении всего последующего века в языковом узусе. Приведу несколько примеров: "в конец нестерпимыми налогами королевство то в

---

⁴⁴Державин Г. Р. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Я. Кучерова. М., 1958.

⁴⁵Зорин А. Л. и др. Свой подвиг совершив. М., 1987. С. 150.

последнюю руину привел", 1700-е⁴⁶; "всего христианства руины касающееся намерение", 1713⁴⁷; "о руине и разорении России", 1748⁴⁸; "и видя прежних благ руину", 1790-е⁴⁹, и т. п. В приписываемой А. Н. Радищеву оде "Древность" (1790-е) лексема "руина" употреблена дважды в ее архаическом значении⁵⁰.

Лишь во второй половине XVIII века в русском языке появляется значение "развалина": "за копирование с картины одной руины", 1767⁵¹; "руины греческие", 1777⁵²; "песчаной руине, каскаду и гроту", 1780-е⁵³; "руины Колофана", 1790-е⁵⁴; "Тут сквозь новую руину / Воря старая бежит...", 1790-е⁵⁵, и др. В XIX веке эта семантика

---

⁴⁶Архив князя Ф.А. Куракина / Изд. под ред. М. И. Сиповского. СПб., 1896. Кн. 4. С.286.

⁴⁷Там же. СПб., 1898. Кн. 6. С. 6.

⁴⁸Архив князя Воронцова. М., 1886. Кн. 4. С. 33.

⁴⁹Долгоруков И. И. Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 455.

⁵⁰Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 354, 355.

⁵¹Сборник материалов для истории императорской санктпетербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Ч. 1. С. 118.

⁵²Сочинения и письма Хемницера по подлинным рукописям, с биограф. статьей и примеч. Я. К. Грота. СПб., 1873. С. 384.

⁵³Записки А. Т. Болотова. 1738-1795. СПб., 1873. Т. 4. С. 49.

⁵⁴Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1790. Ч. V. С. 303.

⁵⁵Долгоруков И. И. Сочинения. Т. 1. С. 146.

станет доминирующей; более архаическое отвлеченное значение будет постепенно вытеснено предметным.

В памятниках древнерусской литературы "честь" и "слава" часто употребляются в качестве устойчивого словосочетания с единым значением. В "Словаре Академии Российской" зафиксировано следующее, обычное в XVIII веке значение лексемы "честь": "слава, достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и т. п."⁵⁶. Форма косвенного падежа "чти" от существительного "честь", частотная в древнерусском языке, в картотеке "Словаря русского языка XVIII века" не отмечена. В акростих она могла попасть из "Слова о полку Игореве", из "Повести временных лет" или из какого-либо другого памятника старой русской словесности. Если принять во внимание смелость, а порой и рискованную прихотливость державинского словоупотребления, соединение двух подобных слов в специфических целях создания акростиха вряд ли можно признать маловероятным. Как пример еще более непривычного словосочетания (со значением, близким "руине чти") хотелось бы привести выражение "ров тли" из оды "Предвестие" (1810):

Родимся мы, растем и зреем,
Идем, идем, - куда? - не знав,
Седеем, стареем, дряхлеем

И падаем в ров тли стремглав.(III, 76)

---

⁵⁶Приведу основные значения слова "честь" из "Словаря Академии Российской", опустив примеры: "1) Почтение, уважение; внутреннее убеждение о преимущественном достоинстве чьем либо (...) 2) Употребляется также сие слово для изъявления учтивости как в разговорах, так и письмах, особливо в окончании оных (...) 3) Слава, достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличностями (...) 4) Чин, достоинство (...) 5) Честность (...)" (Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Стлб. 725-726).

* * *

Как известно, сам Державин связывал начало зрелого периода своего творчества с одой "Успокоенное неверие" (1779)⁵⁷, в которой во второй раз после "Читалагайских од" дерзнул обратиться к философской проблематике. Тема бренности человеческой жизни и неизбежности смерти, выраженная еще не столь блестяще, как в "Оде на смерть князя Мещерского", заняла в ней центральное место:

Отсель изъемлет скоротечность;
А там?.. а там разверста вечность!
Дрожу! - лиется в жилах хлад.
О вечность, вечна мука, ад!(II, 69)

Как уже неоднократно отмечалось, выражение "река времен" отсылает к начальному стиху "Оды на смерть князя Мещерского", в котором имеется в виду неумолчный и ничем не остановимый ход часов, вызывавший у поэта ассоциации почти болезненные; недаром в финальной редакции третьего стиха он вводит слово "стон" для его именованья:

---

⁵⁷Ср.: "Сия ода первая пришла в известность, будучи исправлена автором и друзьями его: Николаем Александровичем Львовым, Васильем Васильевичем Капнистом, Иваном Ивановичем Хемницером (в тексте первопубликации ошибочно назван Дмитриев, что отмечено еще Гротом (I, 70). - К. Л.-Д.) и Александром Семеновичем Хвостовым у последнего в доме". (Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Е.Н. Львовой, в 1809 году. СПб., 1834. С. 10); "А для того с 1779 году избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г-на Бате и советами друзей своих, а после по жене и родственников - Николая Александровича Львова, Василия Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацию" (Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. N 3. С. 84; ранее с искажениями процитировано: VI, 443).

Глагол времен! Металла звон!

Твой страшный глас меня смущает;

Зовет меня, зовет твой стон,

Зовет и к гробу приближает. (I, 87-88)

Отмечу, что ход часов имитируется здесь и фонетически: в первых трех стихах нет пиррихий и спондеев, ритм не отклоняется от метра, четырехстопный ямб представлен самой монотонной из его форм. Из 88 стихов "Оды на смерть князя Мещерского"⁴⁰ являются чистыми ямбами, в 45 допущено по одному пиррихию, в трех - по спондею. Фонетическая имитация хода часов, символизирующего неотвратимое приближение смерти, проходит, таким образом, через весь текст "Оды" и отдается эхом во многих других державинских произведениях. Кажется, еще не отмечалось, что тему смерти поэт и позднее неоднократно подчеркивал ритмически, отсылая к своему стихотворению 1779 года: "Эреба бездна уж сияла, / И ногу в вечность бн занес" ("На выздоровление Мецената", 1780; I, 123); "Готово ль солнце в бездну скрыться?" ("На смерть графини Румянцевой", 1788; I, 216); "Смертей ли бледных полк встречает, / Иль ад скрежещет зовом к ним" ("На взятие Измаила", 1790; I, 343); "Надежней гроба дома нет, / Богатым он отверст и бедным, / И царь и раб в него придет" ("Ко второму соседу", 1791; I, 442); "Поля и грады стали гробы" ("На взятие Варшавы", 1794; I, 637); "И смерть к нам смотрит чрез забор..." ("Приглашение к обеду", 1795; I, 668); "Увы! вся власть и честь земная / Минует с нами, будто тень: / Затмит лишь солнце тманошная, / Где звук? Где блеск? Где светлый день? (...) Косой что гонит к гробу смерть" ("На тщету земной славы", 1796; I, 723); "Земля покрылась кровью, мглой; / Упали б троны, царства, грады, / И все погибло б в зол борьбе" ("Бессмертие души", 1797; II, 8); "Проходит наша жизнь, как миг" ("На смерть Нарышкина", 1799; I, 310); "Где блеск, где звук, где пышны брашны? / Ты был - и нет, - твой слух исчез!" ("Слава", 1810; III, 49); "Сей образ смерти, образ тли?" ("Тление и нетление", 1813; III, 176); "Там бледна смерть с косой в руках" ("Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества", 1812; III, 137), и т. п.

Во всех вышеприведенных случаях Державин обращается к четырехстопному ямбу без пропуска метрических ударений, т. е. именно к тому несколько искусственному для русской поэзии ритму, который находим в двух начальных стихах "Реки времен...".

Оригинальный державинский перифраз "вечности жерло" (со значением "смерть") поясняется следующими стихами:

Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды;
Так в вечность льются дни и годы;
Глохает царства алчна смерть⁵⁸. (I, 90)

Тема эфемерности земной славы и выступающих с ней enpendant почестей находит свое выражение в конце восьмой и в начале девятой строфы "Оды на смерть князя Мещерского":

Желанием честей размучен
Зовет, я слышу, славы шум.
Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье...(I, 94)

Сходные темы и сходные образы находим в "Водопаде" (1788): всепожирающее жерло ("О водопад! В твоём жерле / Все утопает в бездне, в мгле!"), неизбежность приближения смерти и эфемерность земных титулов и отличий ("Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной, / Не упадет ли в сей зев / С престола царь и друг царев?"), бренность славы

---

⁵⁸Ср. также ниже: "Я в дверях вечности стою", т.е. "я вижу смерть между миром поюсторонним (бренным, тленным, смертным и преходящим) и трансцендентным (вечным, бессмертным и потусторонним)".

("О! слава, слава в свете сильных! / Ты точно есть сей водопад. / Он вод стремлением обильных...") и т. п.

Ода "На новый 1797 год" говорит в применении к году то, что потом будет сказано об истории вообще:

Занес последний шаг - и, в вечность
Ступя, сокрылся прошлый Год;
Пожрала мрачна неизвестность
Его стремленье, быстрый ход.(II, 16)

В генетически связанных с "Одой на смерть князя Мещерского" стихах "На смерть Нарышкина" (1799) ⁵⁹ находим тот же образ времени, уподобленного реке, потоку, водопаду:

Падающая с небес река!
Ток светлых, непрерывных вод!
Чья всемогущая рука,
О время! о минувший год!
Твое течение прекратила? (II, 305)

В заключительных строфах послания "Евгению. Жизнь Званская" (1807) пророчество о будущем распаде и запустении на берегах Волхова сменяет живописные картины провинциального дворянского быта. Мир именуется тленным, лира - скудельной. Как и в последнем восьмистишии Державина, здесь появляется труба. Этот атрибут Клио, ее служитель преосв. Евгений призван сохранить память о поэте в грядущих поколениях:

---

⁵⁹Еще Я. К. Грот отметил, что выражение "вечности жерло" впервые употреблено Державиным во второй строфе этой оды (II, 306).

Так, разве ты, отец! Святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь - бледну зависть - в бездны;
Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Через Клии воскресишь согласи.
Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвы
От лиры моя шумящую рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы⁶⁰. (II, 645)

Если принять во внимание вышеуказанные параллели, общий смысл державинского стихотворения вряд ли представит затруднение для толкователя. Хотелось бы, воспользовавшись приемом М. Л. Гаспарова, порой пересказывающего прозой самые туманные поэтические тексты для прояснения их содержания, проделать то же самое с вдохновенным восьмистишием Державина. В этом пересказе в квадратные скобки заключено то, что, на мой взгляд, Державиным подразумевается: "Ничем не остановимый поток истории (он же течение времени) рассеивает память о всех человеческих свершениях, народах, царствах и монархах. Даже то небольшое, что

---

⁶⁰Ср. также в стихотворении "Эхо. Евгению" (1811): "Пусть лирой я, а ты трубою / Играя, будем петь с тобою" (III, 92). На глубинную связь этих поэтических текстов Державина, обращенных к Евгению, с последним восьмистишием было указано Е. П. Мстиславской: Мстиславская Е. П. Автограф Г.Р. Державина ("Эхо. Евгению" и последнее стихотворение)// Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1981. Вып. 42. С. 210-220.

сохраняется [в памяти поколений] благодаря поэтам и историкам, будет поглощено смертью и не избегнет общей доли".

Речь идет, таким образом, о мире явлений - посюстороннем, брэнном, тленном и смертном. Поэт подводит итог своим раздумьям о поэтической и прочей славе, и вывод его в отличие от других стихов пессимистичен. Как бы случайно оброненное слово "вечность" отсылает нас, однако, к иному комплексу идей и художественных текстов. В первую очередь это, конечно, ода "Бог" (1784), где "вечность" мыслится Державиным как один из важнейших атрибутов Божества:

Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В своем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,

А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал.(I, 196)

Тема "жерла вечности", воссоединяющего смертного с Богом, нашла выражение и в дальнейшем развитии знаменитой оды:

Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! В бессмертие твое.(I, 203)

Таким образом, Бог-Творец мыслится Державиным как некое внеположное и высшее Существо, понять и осмыслить которое никто из смертных не

способен ("Кого постичь никто не мог")⁶¹. Ясно лишь, что Его атрибуты - это вечность и бессмертие, а поток истории и весь зримый мир - Его порождения и что они, неотвратно погибая, возвращаются в Его лоно. Воззрения Державина и то, как он богословствует в своей оде, наиболее близки традиции укоренившегося в восточных православных церквях апофатического богословия, когда Божество мыслится абсолютно трансцендентным. Отвергая путь познания Высшего Существа через осмысление мира тварного (путь катафатического богословия), восточнохристианские богословы стремились к мистическому общению с живым Богом, утверждая его полную внеположность и непознаваемость⁶².

Я. К. Грот, комментируя державинскую оду "Бог" (I, 189-203) и сравнивая ее с образцами европейской духовной поэзии, пришел к выводу о ее независимости от западных литературных источников (им было обнаружено лишь сходство отдельных мотивов с "Ночами" Э. Юнга)⁶³. Вопрос об источнике идей Державина Гротом не ставился и его по сути дела нужно считать открытым. Ода "Бог" демонстрирует удивительные примеры близости державинской мысли к богословским высказываниям Отцов Церкви⁶⁴, что

---

⁶¹Оставляю здесь и далее в стороне сотериологический и христологический аспекты, наиболее подробно освещенные Державиным в оде "Христос" (1814; III, 193-208).

⁶² См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 20-36, 204- 208; Булгаков. Свет невечерний. М., 1994. С. 88- 154.

⁶³См. об этом в последних по времени публикациях: Харрис Д. Г. Державин и Эдвард Юнг (к вопросу о влиянии переводов на литературный процесс) // Гаврила Державин (1743-1816) / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Норвич, 1995. С. 202-223; Телешова Н. К. Ода Державина "Бог" и Эдвард Янг // Державинские чтения. СПб., 1997. Вып. 1. С. 28-33.

⁶⁴Ср., например, у Григория Богослова: "Божественная природа есть как бы некое море сущности, неопределенное и бесконечное, простирающееся за пределы всякого понятия о времени и природе" (Творения св. Григория Богослова. Ч. III. М., 1889. С. 196-

неизбежно ставит вопрос о путях знакомства поэта с их идеями и о том, какие сочинения могли выступить в качестве посредников.

В связи с "Рекой времен..." Державина надо подчеркнуть необходимость различения двух тем в его творчестве - бессмертия поэтической славы и бессмертия души. Первая из них восходит к Горацию, вслед которому русский поэт неоднократно писал о неподвластности забвению "лирных звуков". В последнем стихотворении Державин недвусмысленно отступил от этого убеждения, нарисовав картину общего движения истории, превосходившую предшествовавшие аналоги своей глобальностью и эсхатологизмом.

Тема бессмертия души отражает уже не историософские размышления Державина, а его онтологические представления. Душа мыслится бессмертной, ее пребывание в смертной плоти - временным, ее возвращение к Богу и вечная жизнь в нем - желанными и радостными (см. оды "Бог", "Правосудие", "Бессмертиядуши", "Молитва"). Обращу внимание и на то, что в знаменитом окончании "Ласточки" ("Душа моя, гостя ты мира...") речь идет несомненно о бессмертии души, однако введение призыва к лире ("Воспой же бессмертие, лира...") приводит к контаминации обоих мотивов.

* * *

Любопытную параллель к последнему стихотворению Державина находим в собрании эмблем и символов Нестора Максимовича- Амбодика: Пирамида стоящая есть знак славы и памяти добрых государей: лежащая, или опрокинутая, означает разрушение царств, начало и конец человеческой

---

197); у Иоанна Дамаскина: "Ибо Он не есть что-либо из числа вещей существующих не потому, чтобы вовсе не существовал, но потому, что превыше всего существующего, превыше даже самого бытия (...) Итак, Бог беспределен и непостижим, и одно в нем постижимо - Его беспредельность и непостижимость" (Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913. Т. 1. С.162).

жизни"⁶⁵. В рисунке и пояснении к нему оба значения слова "руина" актуализированы: развалина (т. е. пирамида опрокинутая, треснувшая и обреченная постепенному распаду) и погибель, которую она же и олицетворяет.

В XVIII столетии существовала еще одна традиция, популяризовавшая достижения теологической мысли того времени, важная для понимания образного строя од Державина и до сих пор, на мой взгляд, недооцененная. Я имею в виду церковное красноречие. Культура XVIII века не была еще столь секуляризована, как в более позднее время, воскресные поучения в храмах играли в жизни тогдашнего православного россиянина значительно большую роль, чем в жизни его потомков. Многие излюбленные Державиным образы, как то: "течение времени", "вечность", "бездна вечности" и т. п. - восходят, как представляется, именно к проповедям. Это легко заметить, обратившись, например, к "Собранию разных поучений на все воскресные и праздничные дни" Гавриила (Петрова) и Платона (Левшина), неоднократно переиздававшегося в течение XVIII столетия и являвшегося пособием по составлению проповедей в тогдашней Российской империи. Приведу несколько мест из проповеди "В новый год, о сходстве между течением времени и течением наших лет и дел", имеющей большое число аналогов с одами, писавшимися Державиным на приход 1781 и 1797 годов, да и с другими его сочинениями: "Проходя далее путем нашея жизни, сподобились мы, возлюбленные слушатели! вступить в новое вещей течение, а чрез то ближе к вечности стали, окончили один год, другой начинаем. (...) Но при сем смущаемся, когда видим, что цвет лет наших напоследок увядает, и все тлению непрестанно приближается. (...) Признаться должно, что темнеет

---

⁶⁵ Максимович-Амбодик Н. Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки переложенные, прежде в Амстердаме, а ныне во граде Св. Петра. СПб., 1788. С. LIII.

свет в очах наших, и помрачается наша мысль, когда воображаем целый всех вещей союз непроницаемую тмою покрытый, а еще больше ужасаемся, когда помышляем о бездне вечности, которая все вещей премены должна в себе сокрыть (...) Время без премен быть не может, и все, что пременам подлежит, есть во времени: а что подлежит пременам, то подвержено и тлению. (...) Из общей всех вещей судьбы нельзя выключить⁶⁶ и нас: ибо и человек во времени, и все его дела во времени. Еще мы до оной блаженной вечности Христом обещанной не достигли; еще нам то солнце не воссиявает, которое днем и ноцию светит, и не знает запада; еще до того пребывающего града не дошли, которого строитель и художник Бог; еще бессмертием глава наша не увенчана; еще на пути стоим, еще в океане мира сего плаваем"⁶⁷.

Процитированный пассаж любопытен его укорененностью в барочной традиции, извечная (и потому неизбежно тривиальная) тема бренности всего земного выражена здесь на языке расхожих, но оттого не менее действенных и значимых для культуры XVII-XVIII веков образов (одним из центральных при этом было уподобление времени потоку)⁶⁸.

---

⁶⁶Ср. у Державина: "И общей не уйдет судьбы".

⁶⁷Гавриил [Петров}, Платон [Левшин]. Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни. М., 1776. Ч. I. С. 1-2.

⁶⁸Заслуживает внимания и то, что Радищев, осмысляя итоги уходящего XVIII столетия, обратился к той же метафоре, к тому же эйдологическому арсеналу:

Урна времен часы изливает каплям подобно:

Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли

И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны

Вечности в море...

("Осьмнадцатое столетие", 1801-1802).

Другим звеном, связывающим последнее стихотворение Державина с миром барочной эмблематики, была, конечно же, историческая карта, висевшая в кабинете поэта, при созерцании которой и родилось знаменитое восьмистишие ⁶⁹. Ее полное название гласит: "Река времен, или Эмблематическое изображение Всемирной истории от древнейших времен по конец осьмогонадесять столетия. Сочинено Фредериком Страссом ⁷⁰. Переведено в Санкт-Петербурге, 1805" ⁷¹. Внизу карты находится и посвящение, поясняющее замысел создателя ее русской версии: "Его императорскому величеству всемилостивейшему государю императору Александру Первому всея России, споспешествователю просвещения и покровителю наук и художеств, сие изображение посвящает со всеподданнейшим благоговением трудившийся в переводе Александр Баренцев". Здесь же изображена Клио в облике молодой женщины, увенчанной лавровым венком, пишущей в книге истории. Слева от нее пальма (символ процветания), справа - коса, напоминающая о смерти. Перед книгой

Ср. также далее: "Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки..."

⁶⁹Сходные мысли о бренности всего земного вызвала историческая карта "Река времен" у ее первого анонимного рецензента: "Никая история не может так поразить внимание человека, как сия карта. Никая история не возродит в душе чувствительного человека того неизъяснимого чувства скорби при виде быстрого полета всеразрушающего времени, которое рождается при воззрении вдруг на все премены мира. История народов и жребий царств поражают всякого" (Журнал российской словесности, издаваемый Николаем Брусиловым. 1805. N8. С. 213-216).

⁷⁰О Фридрихе Штрассе (Friedrich Strass; 1766-1845) и его исторической карте "Река времен", пользовавшейся большим успехом во всей Европе, см.: Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1893. Bd 36. S. 498-501.

⁷¹Здесь и далее использовался экземпляр, хранящийся в Отделе эстампов РНБ (шифр: Эгр 11058, размер 150 на 71.5 см).

- песочные часы. И книга и часы находятся на огромном глиняном сосуде, из которого изливается водная струя. На заднем плане двуглавый орел, над которым парит инициал правящего монарха, литера "А".

По правому и левому краям карты, сверху вниз, расположены шкалы, на которых отмечены равные отрезки, означающие столетия. Из облака вверху изливаются множасьи, а порой и внезапно пресекающися струи, символизирующие историю отдельных народов (внутри каждой из них отдельная хронология царств и важнейших событий); они соединены между собой рукавами - так, истоки россиян связывает со скандинавами струя варягов. Справа по краю еще одна, общечеловеческая вертикаль - "Изобретения, открытия, успехи просвещения. Славные мужи", - где с указанием дат перечислены выдающися достижения и открытия; поименованы ученые и писатели. В отрезке, посвященном XVIII столетию, находим следующие имена: Ньютон, Лейбниц, Аддисон, Кантемир, Ф. Прокопович, Татищев, Поуп, Бодмер, Гагедорн, Галлер, Вольтер, Руссо, Вольф, Монтескье, Броун, Геллерт, Ломоносов, Сумароков, Клопшток, Винкельман, Геснер, Эйлер, Базедов, Кант, Бюффон, Линней, Бюшинг, Гаттерер, Боннет, Паллас, Шлецер, Платон (видимо, Левшин. - К.Л.-Д.), Херасков, Державин, Кампе, Лавуазье.

Как видим, русскому поэту уже была уготована завидная честь олицетворять для потомков ушедшее XVIII столетие; его алкание бессмертия, казалось бы, было удовлетворено, а карта "Река времен", обращенная к широкому кругу современников и в первую очередь к изучающему историю юношеству, недвусмысленно подтверждала это. Может быть, именно это признание современниками его поэтических заслуг побудило Державина перед лицом смерти ощутить тщету достигнутого, предельно абстрагироваться от мира событий, от всего вещественно-материального и подвести в удивительном по емкости акростихе итог длительным историософским раздумьям.

Историческая справка о карте «Река Времен»

Карта «Река Времен или эмблематическое изображение всемирной истории» (синхронистическая таблица), составленная немецким историком Фридрихом Штрассом (1766 – 1845), впервые была напечатана в Германии в 1803 году. Через два года появился ее русский перевод, выполненный Александром Алексеевичем Варенцовым (1787 – 1835), которому в ту пору было восемнадцать лет. Переводчик дополнил карту сведениями из российской истории и продлил хронологию «Реки Времен» до 1804 года. Над русским вариантом карты трудились живописец К.Ф. Кнаппе (1745 – 1808) и гравер И.К. Майр (1764 – 1812).

История народов и государств представлена на ней в виде цветных потоков, которые подобно водопаду низвергаются из парящего в верхнем поле карты сияющего шара. Справа и слева от потоков располагаются хронологические шкалы, в которых приводятся соответствующие перечисляемым событиям даты от «сотворения мира» и от Рождества Христова, для античного Рима и Греции – от основания Рима и по годам Олимпиад.

«Журнал Российской словесности» писал в 1805 году: «никакая история не может так поразить внимания человека, как сия карта. Никакая история не возродит в душе чувствительного человека того неизъяснимого чувства скорби при виде быстрого полета всеразрушающего времени, которое рождается при воззрении вдруг на все перемены мира. История народов и жребий царств поражают всякого».

Дополнительные формы работы учителя

Экскурсия в Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, где хранится грифельная доска с последним стихотворением Державина.